

мы стремились показать, что их использование в ЖВ подчинено определенной авторской цели. При этом в нашу задачу не входило выявлять все скрытые цитаты памятника. Отметим, однако, те, которые нам удалось обнаружить по ходу работы с текстом. ЖВ, 222 : 17: ὁ μὴ ἀπαξιῶσας ἐποσθῆναι τῇ δούλῃ σου (Лук., 1 : 48); ЖВ, 328 : 23, ср. 338 : 13: παράδεισος ἐξεργάσατο κατὰ ἀνατολὰς (Быт., 2 : 8); ЖВ, 342 : 11: ὡς ἰπὸ ἀνέμου φύλλα σαλευόμενον (Илиада, 6 : 147); ЖВ, 294 : 3—297 : 29 — история с Солданом (ДАИ, 29 : 120 и след.).

Аналогично «чужую речь» представляют собой выражения: ЖВ, 248 : 19: βύων τὰ ὄτα (Лукиан?); ЖВ, 285 : 6: γενοῦ βοηθός καὶ ὑπερασπιστής (Св. писание); ЖВ, 289 : 14—15: ὅπερ ψυχῆς τὸ λεγόμενον θέοντας (Гомер?); ЖВ, 335 : 12: αἰθερόδρομος (Аристофан?).

Γεώργιος Ί. Θεοχάριδης. Ἱστορία τῆς Μακεδονίας κατὰ τοὺς Μέσους Χρόνους (285—1354). Θεσσαλονίκη: Ἡ Ἐταιρεία Μακεδονικῶν Σπουδῶν, 1980 (=Μακεδονικὴ βιβλιοθήκη. Δημοσιεύματα τῆς Ἐταιρείας Μακεδονικῶν Σπουδῶν, 55). 492 σ.,+ 2 χάρτ.

Новый труд известного греческого исследователя Македонии Г. Теохаридиса посвящен византийскому периоду ее истории. Монография Г. Теохаридиса освещает историю региона с последних десятилетий III в. до начала второй половины XIV в. Данное исследование призвано заполнить лакуну, образованную обобщающими научными работами греческих ученых по истории Македонии с древнейших времен вплоть до эпохи турецкого владычества¹.

«История Македонии» Г. Теохаридиса базируется на широком круге разнообразных по характеру и содержанию нарративных, риторических, эпистолографических и документальных материалов. Помимо названных видов источников, в труде греческого ученого нашли эффективное применение материалы монументальных памятников живописи и эпиграфики. Исследование Г. Теохаридиса изобилует уточнениями, исправлениями и передатировками. В своей совокупности сведения источников сделали возможным создание во многом оригинального исторического обобщения.

В своем исследовании Г. Теохаридис придерживается принципа хронологической последовательности изложения материалов. Основным частям исследования предшествует краткий обзор истории Македонии начиная со II в. до н. э. Хотя поглавное деление труда согласно

Отметим также, что в географическом указателе слово «эфиопы» (S. 179) стоит не по алфавиту — между «Египтом» и «агарянами»; что же касается карты, то она, вопреки сказанному во введении (S. 24), помещена не в конце, а в начале книги.

Все эти недостатки, однако, не могут послужить поводом для отрицательной оценки книги в целом. Перевод любого, тем более средневекового, текста — дело нелегкое, требующее незаурядных профессиональных знаний и искусства владения слогом. Брейер удачно сочетает в себе эти качества. «Жизнеописание Василия I» составляет достойное продолжение немецкой серии переводов.

Н. И. Сериков

датам правления византийских императоров не совпадает с хронологией правящих династий, периодизация истории Македонии средних веков, принятая в настоящей работе, строится в соответствии с периодизацией истории Византии в целом. Выделяются предвизантийский период (285—395 гг.), протовизантийский период (395—641 гг.) и «собственно византийский период». Последний объемлет все последующие века византийской истории вплоть до 1354 г. Указанное членение истории Византии игнорирует стадиальность социально-экономического развития страны. По существу два первых по этой классификации периода соответствуют первому этапу перехода от рабовладельческого общества к феодальному. Напротив, «собственно византийский период» «Истории» Г. Теохаридиса вмещает в себя весь исторический путь Византии от краха рабовладения и генезиса феодальных отношений до стадии зрелого феодализма². В отличие от большинства западноевропейских византистов, которые доводят свои повествования об истории византийской державы, как правило, до захвата ее столицы в 1204 г. крестоносцами, Г. Теохаридис рассматривает времена латинского завоевания и восстановления византийской государственности в неразрывной связи с предшествующими веками ее существования. Правда, конечная черта труда Г. Теохаридиса

¹ Среди обобщающих трудов последних десятилетий греческими учеными написаны исследования по древнейшей истории Македонии (Κανατσούλης Δ. Ἱστορία τῆς Μακεδονίας μέχρι τοῦ Μεγάλου Κωνσταντίνου. Θεσσαλονίκη, 1964), ее истории эпохи турецкого господства (Βαχαλόπουλος Ἀ. Ἱστορία τῆς Μακεδονίας 1354—1833. Θεσσαλονίκη 1969). Материалы по истории Македонии средних веков представлены прежде всего в трудах самого Г. Теохаридиса, из числа которых необходимо выделить научно-популярную «Краткую историю Македонии вплоть до турецкого владычества» (Σύντομη ἱστορία τῆς Μακεδονίας ἕως τὴν Τουρκοκρατία. Θεσσαλονίκη 1965) и общепризнанное исследование «Катепания Македонии» (Κατεπανία τῆς Μακεδονίας. Συμβολὴ εἰς τὴν διοικητικὴν ἱστορίαν καὶ γεωγραφίαν τῆς Μακεδονίας κατὰ τοὺς μετὰ τὴν Φραγκοκρατίαν χρόνους. Θεσσαλονίκη, 1954).

² Ср.: Сюзюмов М. Я. К вопросу об особенностях генезиса и развития феодализма в Византии. — ВВ, 1960, XVII, с. 5.

са (1354 год) — дата отречения императора Иоанна VI Кантакузина, время поселения турок на территории европейских провинций Византии — условия и оставляет перед собой почти столетний период византийской истории — эпоху падения Константинополя.

Представление Г. Теохаридиса о свободном течении исторического процесса составляет одну из основных идей исследования, призванного охарактеризовать политическую роль Македонии в жизни византийского государства. Ни переселения варварских народов, ни притязания воинственно настроенных соседей Византии, ни социально-классовые противоречия, которые проявлялись в обществе на протяжении сменяющих друг друга эпох, не пресекли свободного существования Македонии, шедшего в соответствии с «исторической необходимостью». И только турецкое нашествие положило «конец свободной жизни Македонии» (с. 417).

Тематика труда, ориентированного на изучение одного из крупнейших регионов Византии — Македонии как, по выражению Г. Теохаридиса, «исторической области», выдвинула на первый план исследование ее системы управления и административного устройства. Подробно разбираются результаты проведения административных реформ Диоклетиана и Константина I, в ходе которых римская провинция Македония, со II в. охватывавшая обширное пространство Балканского полуострова от побережья Адриатики на западе до р. Нестос (Места) на востоке и от южных подступов к Скопье до долины р. Сперхей с севера на юг, вернулась к своим «историческим границам» в составе одноименного диоцеза. Описания географических пределов Македонии сопровождаются скрупулезными наблюдениями над происходившими на протяжении многовековой истории Византии изменениями административного деления и границ ее балканских владений. В центре внимания автора труда в первую очередь находятся территории, контролируемые правителями Константинополя. Подчеркивается, что после разделения префектуры Иллирика в 395 г. диоцез Македония, вошедший в состав Восточного Иллирика, оставался подвластным Византийской империи (с. 58—59).

Равным образом значимы разделы труда, посвященные организации в Македонии фем. Г. Теохаридис решает проблему возникновения фемного деления Македонии, исходя из общей перспективы реорганизации административного устройства Византии. Рассмотрение этой проблемы сопровождается всесторонним анализом специальной литературы. Обобщение известных науке материалов приводит автора «Истории» вслед за И. Караяннопулосом, А. Пергузи и другими византинистами к выводам о фемном переустройстве империи как многовековом процессе. Фемная реорганизация отража-

ла общественные изменения, связанные с ростом прослойки наделенных земель стратиотов. Учреждение фем, начавшееся в Малой Азии, произошло, по мнению Г. Теохаридиса, прежде всего в районах, подверженных угрозе иностранного завоевания (с. 210—213). Так, возникновение на территории Македонии в конце VII в. фем Фессалоника, Стримон и турмы Волеру, а затем, в конце VIII в., фемы Македония обосновывается натиском аваро-славянских племен, угрозой завоевательных походов болгар (с. 213—232).

Греческий ученый прослеживает развитие фемного строя в европейской части Византии не только в XI—XII вв., но и касается вопроса о восстановлении здесь фемного управления в последние века существования византийского государства. Возрождение фем, проходившее постепенно, по мнению Г. Теохаридиса, началось после 1261 г. Первым документом, содержащим достоверное свидетельство о возобновлении фемного деления, историк считает акт апографы владений Ватопедского монастыря, которая была проведена апографевсом фемы Волеру и Мосинополя, Серр и Стримона Иоанном Панаретом в 1297 г. (с. 363—364)³. В связи с этим утверждением Г. Теохаридиса нужно отметить, что упоминания о восстановленных фемах встречаются уже в документах более раннего времени. К примеру, хрисовул Михаила VIII Палеолога, пожалованный Лавре Афанасия, в котором упоминается фема Стримон, датируется 1259 г.⁴

Система фемного деления в поздней Византии была осложнена наличием катепаникий. Если до тех пор понятие «катепаникия» применялось для обозначения территориально больших фем, которые подчинялись катепану, наделенному полномочиями гражданской и военной власти, то в поздневизантийское время катепаникией назывался фемный округ, соответствовавший прежней «банде». Исследователь не объясняет сущности указанных им перемен. Более того, в теоретическом расчете числа катепаникий в каждой феме он исходит из представления о тождестве административного деления при фемном строе структуре воинских объединений: в каждой феме, на взгляд ученого, должно насчитываться 18 катепаникий. Однако подобные представления, пожалуй правомерные применительно к эпохе возникновения фемных организаций, в отношении к поздней Византии мало оправданы. Число катепаникий, выявленных Г. Теохаридисом в фемах Фессалоники, Серры и Стримон, намного уступает теоретически предполагаемому (с. 364—367). Таким образом, концепция порядка восстановления фем в Македонии XIII—XIV вв., предложенная Г. Теохаридисом, требует коррективов.

Важное значение автор труда придает вопросу о церковно-административном де-

³ Г. Теохаридис использовал следующее издание документа: Ἀγορευτικὰ Ἀνάλεκτα... μωνῆς Βατοπεδίου.— Εἰς: Γρηγόριος Παλαμάς, 1919, т. 3, с. 217 (нам недоступно).

⁴ См.: Actes de Lavra, II./Ed. P. Lemerle, A. Guillou, N. Svoronos, D. Papachryssantou. P., 1977, N 71. 30.

лении Македонии. Церковную историю Македонии греческий ученый делит на два этапа, разграничительным рубежом которых назван 731/32 г. Именно тогда по указу императора Льва III Восточный Иллирик в церковно-административном отношении был изъят из-под юрисдикции папского престола в Риме и подчинен константинопольскому патриархату (с. 35). Борьба Восточной и Западной церквей за сферы влияния, ареной которой стала наряду с другими областями и Македония, развернулась задолго до схимы 1054 г. Это показывает подробно излагаемая история учрежденного папами в Фессалонике Викариата. Г. Теохаридис вполне оправданно видит в противодействии клира иллирийских епархий надзору со стороны папства проявление исторической необходимости, направленной к совмещению систем политического и церковного управления этого региона (с. 113, 122 — 125).

Самой большой и вместе с тем самой сложной в своем решении оказывается для Г. Теохаридиса проблема исторического существования в Македонии славян. Эта проблема многогранна, и неудивительно, что она встает перед исследователем при описании самых различных событий исторической жизни Македонии. Прежде всего, о славянах идет речь в разделах «Истории», посвященных набегам варварских племен на Византию, их военным действиям, в частности попыткам захватить Фессалонику и последовавшему затем поселению славянских племен на захваченных ими территориях.

К сожалению, начало рассказа греческого ученого о славянах как жителей лесов и болот, промышлявших охотой, скотоводством и разбоем, — поэтично, но тривиально. Цитируемые выдержки хрестоматийных примеров из «Истории» Прокония и «Стратегикона» Псевдо-Маврикия, которые преподносятся без надлежащей их интерпретации (с. 137—138), в наши дни не могут служить доказательством низкого уровня общественного развития славянских племен. Известно, что византийские писатели, наблюдая славян лишь по мере переселения, не располагали совокупностью сведений о них⁵. Также устарел приводимый Г. Теохаридисом этимологический анализ этнонима «славяне» (с. 138).

В то же время следует признать заслуживающим внимания рассмотрение в труде Г. Теохаридиса комплекса материалов, связанных с именем «пророка» Фессалоники св. Димитрия. Тщательно, глава за главой анализируется содержание двух первых книг «Чудес св. Димитрия», запечатлевших историю заселения византийских земель славянами (с. 140

и др.). Заключение Г. Теохаридиса об авторстве и датировке отдельных частей этого произведения, думается, могут быть сопоставлены с наблюдениями П. Лемерля, предпринявшего недавно новое критическое издание памятника⁶. Углубляясь в проблему расселения славян на территории Византии, греческий историк передатирует хронологию аварских и славянских набегов VII в. (с. 155, 171 и др.), уточняет места и время поселения отдельных славянских племен в Македонии, делает интересные замечания по поводу генезиса влашской народности (с. 181—182).

Образованные славянскими обитателями среди местного населения империи «островки» получили название Славиний. В сегодняшней науке Славинии характеризуются как достаточно прочные в социально-политическом и этническом отношении территориально-племенные объединения⁷. Напротив, Г. Теохаридис придерживается мнения о скором исчезновении Славиний, инородное население которых, подчинившись византийским властям, согласно взглядам ученого, было полностью ассимилировано (с. 184—188, 241). Создатель «Истории» неоднократно подчеркивает малочисленность славянских переселенцев, которые, попав в окружение греческого большинства, теряли свой этнический облик (ср. с. 152, 155, 186, 219, 228—230). Среди аргументов, подтверждающих точку зрения греческого исследователя, приводятся отсылки на сочинения участников крестовых походов и каталонской кампании, документы афонских монастырей. Действительно, нельзя отрицать неуклонно шедший в течение веков процесс эллинизации южномакедонских славян. Тем не менее именно актовые материалы содержат убедительные свидетельства о теплившихся в потомках славянских поселенцев в Македонии искрах этнического самосознания. Не кто иной, как соотечественница Г. Теохаридиса А. Е. Лаиу-Томадакис, показала, что значительная доля крестьян Южной Македонии сохраняла еще в XIV в. имена славянского происхождения⁸.

Большое место в монографии Г. Теохаридиса уделяется вопросам внутренней и внешней политики, проблемам международных отношений в периоды мира и войн. В свете прямого касательства к истории Македонии рассматривается культурная миссия Кирилла и Мефодия, детально освещены проблемы византино-болгарских отношений, немало страниц отводится изложению событий периода латинского господства, Эпирского деспотата и Низкейской империи (1204—1261 гг.).

⁵ Ср.: История СССР с древнейших времен до конца XVIII в. Под ред. Б. А. Рыбакова. 2-е изд. М.: Высшая школа, 1983, с. 40—41.

⁶ Ср.: Lemerle P. Les plus anciens Recueils des miracles de saint Démétrius et la pénétration des slaves dans les Balkans. P., 1979—1981. Vol. 1—2. См. также: Иванова О. Рец. на кн.: Lemerle P. Op. cit.— ВВ, 1982, 43, с. 256—257.

⁷ См.: Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М.: Наука, 1982, с. 28—29.

⁸ Laiou-Thomadakis A. E. Peasant Society in the Late Byzantine Empire: A Social and Demographic Study. Princeton, New Jersey, 1977, p. 130—135.

С глубокой заинтересованностью греческий исследователь подходит к истории Македонии поздневизантийского периода. Примером может стать интерпретация общественных пертурбаций, вызванных бурной деятельностью Иоанна Кантакузина. Этот знатный византийский вельможа, чуткий и отзывчивый на политические перемены своей эпохи, достиг императорского трона путем интриг и авантюры, повлекших для его страны тяжкие исторические последствия. Однако в образе Иоанна Кантакузина, воссозданном Г. Теохаридисом, чувствуется излишняя увлеченность ученого, некритическое восприятие им «Истории» экс-императора. В труде Г. Теохаридиса Иоанн Кантакузин обрисован как деятель, бескорыстно пекущийся о государственных делах (с. 387) и «вынуждаемый» к дворцовому перевороту (с. 388); Кантакузин как политик противопоставлен якобы истинному инициатору династической борьбы и виновнику несчастий всей страны Иоанну V Палеологу (ср. с. 410—411).

В целом из общего характера повествования Г. Теохаридиса о последних веках существования Византии становится ясно, что греческий историк, не отрицая прямо развития феодализма, считает социально-политическую систему империи принципиально отличной от общественного строя стран средневекового Запада (см. с. 369).

Приходится также констатировать, говоря о проблематике исследования Г. Теохаридиса, что проблемы социально-экономической истории занимают в его работе относительно небольшой удельный вес. Сколько-нибудь подробный очерк развития экономики Македонии в средние века отсутствует. Что же касается проявлений протеста народных масс против социального гнета, то речь о том заходит по существу лишь однажды — при описании восстания зилотов в Фессалонике в XIV в.

История Фессалоники — второго города империи — прослежена автором труда непрерывно, начиная с первых столетий существования Византии. Освещается и распространение в Фессалонике культа св. Димитрия, ее «покровителя», и административное значение города, описываются битвы, разыгранные под его стенами. Рассказ о восстании фессалоникийцев 1342—1349 гг. в настоящей монографии служит, таким образом, заключительным словом о «византийской» истории первого города Македонии.

Надо заметить, что исследователь, анализируя общие закономерности и условия развертывания общественных движений

первой половины XIV в., удачно определил сопряженность социальных и религиозных по своему характеру явлений: восстания зилотов и движения исихастов (с. 389). Не ускользнуло от внимания историка и обострение противоречий низов и верхов византийского общества, испытывавшего последствия экономического упадка, гражданской войны и политического кризиса. Вместе с тем, излагая ход восстания, Г. Теохаридис склонен преувеличивать исторические масштабы событий, происшедших в Фессалонике. В изображении греческого ученого зилоты представляются хорошо организованной политической партией со зрелой идеологией и выработанной на ее основе программой (с. 394—395). А расправа народных масс с одной из группировок городской знати, имевшая место в 1345 г., объявлена диктатурой пролетариата (с. 403). Иными словами, предложенная Г. Теохаридисом интерпретация восстания 1342—1349 гг. обременена грузом традиционных, повторяющихся в поколениях византийцев ошибочных оценок характера выступления фессалоникийских горожан⁹.

Подводя итог, следует еще раз повторить, что рассматриваемый труд является вполне основательным и фундаментальным исследованием, построенным на изучении широкого круга источников. Однако общее благоприятное впечатление, оставляемое «Историей» Г. Теохаридиса, несколько ослабляется из-за крупных пробелов в составе привлекаемых для ее создания исследований, в первую очередь иностранных коллег греческого ученого. Для примера достаточно указать на подборку работ, посвященных исихазму. Последние из них в списке, представленном греческим историком, датируются первой половиной 1950-х годов (см. с. 389, примеч. 1). Имеются упущения и в других разделах труда. Но самым разительным, с точки зрения состава библиографии, изъяном оказывается недостаточное знакомство Г. Теохаридиса со славяноязычной литературой. В числе прочих остались неиспользованными основные исследования Г. Цанковой-Петковой, Л. Максимова¹⁰ и Г. Г. Литаврина.

Думается, что, несмотря на отмеченные недочеты, монография Г. Теохаридиса, обладающая несомненным научным и познавательным значением, даст в обобщенной форме необходимые специалистам различных профилей достоверные сведения об истории Македонии в средние века.

Ю. Я. Вин

Vier Prooimiea zu Kaiserrurkunden, verfaßt von Demetrios Kydonēs/Édition, Textparaphrasē und Kommentar F. Tinnēfēl. BS. 1983. XLIV. f. 1, p. 13—30; f. 2, p. 178—195.

Небольшие по объему риторические введения к актам долгое время не привлекали внимания исследователей, поскольку было принято видеть в них лишь

констатацию известных, большей частью заимствованных из Священного писания сентенций, послуживших мотивом для волеизъявления императора. В настоящее

⁹ Подробнее об этом см.: Сюзюмов М. Я. К вопросу о характере выступления зилотов в 1342—1349 гг. — ВВ, 1968, XXVIII, с. 15—37.

¹⁰ Исследование Л. Максимова «Византијска провинцијска управа у доба Палеолога» (Београд, 1972), приведенное в списке использованной литературы (с. 443), осталось все-таки недоступным Г. Теохаридису (см. с. 365, примеч. 1).